

В. И. Иванов — Э. Р. Курциусу

27/28 февраля 1932, Павия

Глубокоуважаемый господин профессор,

Позвольте глубоко поблагодарить Вас за прекрасный ответный дар — Вашу великодушную, мусически вдохновенную, мудрую книгу⁷ ... или же мой «Достоевский» (с сопроводительным письмом) и Ваша «Угроза немецкому духу» в дороге пересеклись?.. Совершенно неожиданно для себя — как это поразительно! — я, не спеша наслаждаясь раздумчивым и по преимуществу восхищенно все одобряющим чтением, обнаружил такую заключительную главу, которая с самого начала обещала aureus ramus⁸, высокозначительный и пронизательный анализ моих рискованных размышлений об инициации и инициативе как внутренних движущих силах культуры. Я с энтузиазмом прочитал эти страницы — обетование исполнилось с преизбытком; “*primo avolso non deficit alter aureus; et simili frondescit virga metallo...*”⁹ Как прекрасно, как прозорливо истинно Ваше замечание: «Вероятно, надо быть русским христианином, стало быть наследником Византии, чтобы... внести в гуманизм идею античных мистерий, посвящений». А как радует меня Ваше согласие относительно необходимости трансцендентного обоснования культуры!

Ваше широкое постижение гуманизма снимает узы и служит мне порядочным утешением: я думал уже, что придется пожертвовать им во имя христианства, мистики вообще (в том числе и орфической!), — если только определять его по-школьному. Так я писал в своей давно распроданной и позабытой книжечке «Кручи, о кризисе гуманизма» (Берлин, 1921): «Гуманизм всецело основан на изживании индивидуации, отъединенности и отрешенности людей, на их взаимной потусторонности и непроницаемости друг для друга, на автаркии гармонического человека. Эта внутренняя форма сознания пережила сама себя. ...Героический гуманизм умер. Словно в сказаниях Гомера мы боремся за тело героя, уже бездыханное, с тем, чтобы одичавшие орды бесноватых не отняли его у нас, не осквернили его, с тем чтобы

на нашу долю выпало умастить и оплакать, и предать его земле, славя его на грядущих тризнах.

Впрочем, я говорю лишь о том гуманизме, что смертен, не о душе эллинства, душе бессмертной. И не напрасно еще столь недавно являлась она нам в сновидении избавленной от своей формы — достойной, но переходящей и брэнной: в облике Диониса являлась она вдохновенному Ницше, этому последнему трагическому гуманисту, укротившему в себе гуманизм хитроумным безумием и самоубийственным экстазом, словно Аякс, что в безумии поднимает руку на себя; Ницше с презрением отвергал человеческую норму — человеческое, слишком человеческое — и провозглашал сверхчеловека. Ибо Дионис противоборствует гуманизму и натравливает на него своих менад, словно на Пенфея». ¹⁰

1 марта.

До этого места я дописал вчера, когда пришло Ваше милое письмо, и радости моей не было конца. Я счастлив узнать, что в моих словах Вы расслышали нечто родственное Вам по самой сути, а потому и желанное. Обладая даром прозрения. Вы говорите уже и о моих «Кручах», об этом маленьком эссе, где мысль выражается еще не вполне уверенно, — его я только что цитировал. Мне, быть может, удастся доставить его Вам. Посылаю Вам также вышедшую в прошлом году статью об историософии Вергилия ¹².

Откуда взяты слова: “*vis eius integra si versa fuerit in terram*”, я и сам не знаю; так озаглавлено стихотворение Владимира Соловьева, о влиянии которого на мое духовное становление, о истинно посвящающем в таинства, я говорю в письме Дю Босу. Чтобы ответить на Ваши дальнейшие вопросы, скажу, что хотя Булгаков и Бердяев являются самыми дорогими моими друзьями, я все же отрицательно отношусь к их идеологиям. Булгаков ценил во мне «благочестивого язычника», «елевсинца», но считал меня «посредственным христианином»: теперь же он весьма разгневан моим отпадением от восточной схизмы, однако утешает себя тем, что я вовсе не призван судить о делах христианских ¹³. Головоломный гностицизм Бердяева, его сверхправославие, опирающееся главным образом на Якова Беме и желающее быть чем-то подобным “*Evangelium Aeternum*” ¹⁴ третьего царства, равно как его взгляды на русский народный дух, Достоевского и т. д., обладают свойством раздражать меня — сколь бы ни ценил я его духовное благородство. Обращение князя Святополка Мирского в большевизм — последовательно: как самосознание атеиста и к тому же одного из главных герольдов

новоиспеченной «евразийской» доктрины, которая в полнейшем согласии с основной тенденцией большевиков стремится породнить Россию с монголами и китайцами, чтобы раз и навсегда вырвать ее из христианского мира. Понимание России как части азиатского мира — ложно до основания. Влияние монголов на Россию в Средние века было не глубже, чем влияние арабов на Испанию. Но Россия — это до самых глубоких слоев языка и мыслительных форм Византия; а Византия с самого начала (благодаря эллинизму) была евразийской в хорошем смысле — и все более становилась таковой в дальнейшем своем развитии, что уже ложится весьма неблагоприятным бременем на наше историческое наследие. Европейская же культура, которую я имею смелость именовать христианским миром, — это еще с доэллинистических времен Восток и Запад. И Россия непременно останется именно европейским Востоком; ибо оба начала оплодотворяют друг друга и должны составлять органическое единство. Протестантизм — это внутренняя диалектическая антитеза на Западе, а разноликость Востока и Запада в более широкой сфере всей совокупной европейской культуры — она и есть для меня христианский мир — не должна перерождаться в принципиальный раскол. Все творческие силы в России придерживаются такого рода здоровой — гуманистической и христианской — позиции, утверждая присутствие Востока.

Наши письменные беседы благотворно действуют на меня, однако я боюсь, что уже утомил Вас своим многословием.

С наилучшими приветами

Ваш сердечно благодарный и преданный

Вяч. Иванов

